

Яхимович С. Ю.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИ СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ
В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (1924 – 1931 гг.)

Яхимович С. Ю.

S.Yu.Yakhimovitch

**БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИ
СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (1924 – 1931 гг.)**

**THE BOLSHEVIST PARTY ORGANIZATION AS PART
OF THE SOVIET COMMUNITY IN THE NORTHERN MANCHURIA (1924 – 1931 гг.)**

Яхимович Сергей Юрьевич – аспирант Дальневосточного государственного гуманитарного университета, преподаватель кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (Россия, Хабаровск). E-mail: sergyahim-69@yandex.ru

Mr. Sergey Yu. Yakhimovitch – PhD Candidate, the Far Eastern State University of Humanities; Lecturer at the Department of Social Sciences and Humanities, the Far-Eastern Judicial Institute under the Internal Affairs Ministry of the Russian Federation, (city of Khabarovsk). E-mail: sergyahim-69@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы структурного устройства, реорганизационных и численных изменений североманьчжурской большевистской партийной организации. Даётся анализ её задач и внутреннего состояния в 1924 – 1931 гг.

Summary. The paper considers the issue of the structure, reorganization and changes in numbers of the North Manchurian Bolshevik party organization. The analysis is provided of its problems and internal state in 1924 – 1931.

Ключевые слова: Северная Маньчжурия, харбинское губернское бюро РКП(б), Северо-Маньчжурский комитет ВКП(б), ячейка, райком.

Key words: Northern Manchuria, Harbin provincial bureau of the Russian Communist Party of Bolsheviks, North Manchurian committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks, party cell, party district committee.

УДК 951.06

После заключения в 1924 г. советско-китайских соглашений о совместном управлении Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД) в Северной Маньчжурии образовалась большая советская колония. В 1920-х гг. её численность составляла более 50 тыс. чел. [20, 6; 21, 2], и она существовала бок о бок с российской эмиграцией до 1935 г. Принявшие в Северной Маньчжурии подданство СССР россияне питали к новой власти на родине противоречивые чувства. В такой ситуации перед советским руководством стояла задача по формированию из этой пёстрой массы людей единой колонии советских граждан, пропитанной новыми мировоззренческими ценностями. Тактические ходы для её решения заключались в том, что советские подданные должны были ощущать на себе идеологический прессинг и контроль со стороны советской власти и постепенно, особенно молодёжь, подвергаться советизации. Данная задача напрямую возлагалась на североманьчжурский партийный аппарат, который также должен был контролировать, совместно с другими уполномоченными на то органами, советские хозяйствующие субъекты в регионе. Целью статьи является рассмотрение структуры, функциональных задач, численности и деятельности североманьчжурской партийной организации, как руководящего элемента колонии советских граждан на Северо-Востоке Китая. Хронологические рамки статьи определены интервалом от закрепления прав СССР на совладение КВЖД в 1924 г. до оккупации Маньчжурии японскими войсками в конце 1931 г.

Деятельность основной советской коммунистической организации в Северной Маньчжурии в 1924 – 1931 гг. хронологически можно разделить на несколько коротких этапов. Первый (1924 – начало 1926 гг.) связан с подготовкой и закреплением прав СССР на КВЖД и работой харбинского губбюро РКП(б); на второй этап (1926 – 1929 гг.) приходится преобразование губбюро в Северо-Маньчжурский комитет (СМК) ВКП(б) и укрепление парторганизации на фоне постоянной эскалации советско-китайских конфликтов на линии дороги; третий (1930 – конец 1931 гг.) – постконфликтное время восстановления практически разгромленного в 1929 г. СМК. Последующий, четвёртый этап (1932 – 1935 гг.) охватывает работу парторганизации в Маньчжоу-Го в условиях фактической японской оккупации региона и свёртывания деятельности СМК ВКП(б) ввиду продажи КВЖД.

Внутреннее устройство советской колонии напоминало государственную модель СССР, и РКП(б) – с декабря 1925 г. – ВКП(б) [5, 544], – для её жизнедеятельности отводилась роль руководящего и пропагандистского звена. Помимо, собственно, большевистской партии, на территории Северной Маньчжурии действовал целый ряд подотчётных ей коммунистических и советских общественных организаций: комсомольские, пионерские, профсоюзные, женские и др. Все они имели частные и общие задачи, среди которых агитационной и разведывательной работе отводилось не последнее место [4, 136-143]. Немногочисленная большевистская организация в зоне КВЖД (Харбинская группа РСДРП) существовала с 1905 г., и наибольшую революционную активность она проявила в 1917 – 1918 и 1920 гг. [7, 2-27 об.; 2, 27-94]. С 1924 г. большевистская организация, тогда официально именовавшаяся харбинским губернским бюро (губбюро) РКП(б), вошла в новую фазу активных действий на линии КВЖД и в прилегающих районах. Нелегальное положение советских политических организаций в Северной Маньчжурии исходило из советско-китайских дипломатических договорённостей. Согласно статьям шестой пекинского и пятой мукденского договоров, в Китае и на территории Трёх Восточных провинций (ТВП) в Маньчжурии (фактически независимых от Пекина с 1922 г. [1, 528-529; 3, 15]) запрещались коммунистические организации и пропаганда их идей даже среди совграждан [29, 83, 97], что значительно затрудняло работу РКП(б) среди советской колонии.

Основные функции североманьчжурской коммунистической организации, помимо общего руководства советской колонией, исходили из задач, возлагавшихся на неё. Важнейшими из них были: пропаганда коммунистических идей среди советских граждан, русских эмигрантов и китайского населения (в основном через распространение соответствующей литературы в Северной Маньчжурии); помощь в сборе разведывательной информации на китайской территории; организация боевой работы среди совграждан на случай вооружённых конфликтов в регионе; борьба с белоэмигрантскими организациями и формированиями; налаживание необходимой и выгодной для СССР финансово-экономической деятельности КВЖД и других совхозорганов; усиление коммунистической, комсомольской и профсоюзных организаций с целью массовой советизации новых граждан СССР [30, 30-36]. Почти все эти задачи, как и существование самой парторганизации, изначально носили негласный характер.

Руководство большинством североманьчжурских советских коммунистов, сгруппированных на линии КВЖД, было возложено на губбюро харбинской организации РКП(б). Оно напрямую подчинялось ЦК партии и Дальневосточному краевому комитету (ДКК) РКП(б) в Хабаровске, которые утверждали и направляли для работы в губбюро руководящий состав и определяли стратегию его действий. Диссонанс в деятельность губбюро в районе КВЖД вносил тот факт, что оно руководствовалось, в основном, директивами из Далькрайком, а руководство дороги – главным образом, из Москвы через консульства в Китае, что требовало времени на корректировку указаний [23, 25 об.]. Особую и более детальную руководящую роль в работе парторганизации Северной Маньчжурии в силу не только организационно-партийной соподчинённости, но и территориальной близости играл ДКК ВКП(б) [13, 12-13; 14, 34-34 об.; 16, 2].

Яхимович С. Ю.

**БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИ СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ
В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (1924 – 1931 гг.)**

Структурное устройство североманьчжурской парторганизации определялось его задачами и включало семь отделов: агитационно-пропагандистский, оперативно-технический, отчётно-финансовый, учётно-статистический, общих дел, организационное бюро и секретариат. Работа отделов была разбита на два основных сектора – особый (отвечавший за вопросы связи) и военный [4, 138-140; 22, 13-15]. Аппарат руководства харбинского губбюро РКП(б) к 1925 г. состоял из ответственного секретаря, его заместителей – заведующего организационной работой, заведующего агитационной работой, а также управляющего делами, машинистки и курьера [24, 153]. Большинство партийных руководящих кадров, работавших в Северной Маньчжурии, были законспирированы и проходили в сводках и отчётных документах под псевдонимами. В 1924 – начале 1926 гг. секретарём харбинского губбюро был Е.И. Накоряков, который до своего отъезда в апреле 1924 г. на VI Дальневосточную партконференцию и XIII съезд РКП(б) проходил под фамилией Кулаков, а после возвращения в Харбин с июня этого же года уже под фамилией Владимиров [23, 45; 24, 27, 56, 63]. Особым решением бюро Далькрайкома от 5 февраля 1926 г. новым секретарём харбинского губбюро ВКП(б) был назначен Я.К. Кульпе (т. Андрей) [12, 34], который нелегально возглавлял партийную организацию в Северной Маньчжурии до октября 1928 г. под видом представителя транспортного кооператива «Центросоюза» Адама Остеля [6, 415-420].

Харбинское губбюро РКП(б) подразделялось не городские ячейки (горячейки) партии, но их количество и устройство всей парторганизации неоднократно изменялись. Каждая ячейка разбивалась на пятёрки («пятки» по партийной терминологии), руководимые «пятководами». К весне 1925 г. на КВЖД действовало 32 городских ячейки (19 в Харбине и 13 на линии дороги) [24, 151-152]. На закрытом заседании ДКК ВКП(б) 24 апреля 1926 г. харбинское губбюро было переименовано в Северо-Маньчжурский комитет (СМК) ВКП(б) в связи с административно-территориальным и партийным районированием на Дальнем Востоке [8, 3; 24, 9]. Аббревиатура «СМК» закрепилась за всей североманьчжурской коммунистической организацией [9, 2]. Дальбюро своим решением от 28 марта 1927 г. для управления руководством СМК утвердил 17 членов и 2 кандидатов, из которых формировалось бюро в составе 5 членов и 2 кандидатов. При СМК так же, как и при губбюро, утверждалась контрольная комиссия (СМКК) ВКП(б) во главе с уполномоченным от контрольной комиссии Дальбюро (т. Леонтий) и его заместителем (Берзин), выполнявшая надзорные и ревизионные функции в отношении советских коммунистических организаций в Северной Маньчжурии [13, 13; 4, 139]. В результате районирования, низшим звеном в структуре СМК ВКП(б) оставались партийные ячейки (делились на звенья – пятёрки), но сведённые в 9 райкомов [12, 44, 58, 73; 22, 13]. По данным уполномоченного Дальневосточной краевой контрольной комиссии (ДККК) ВКП(б) т. Букау, инспектировавшего СМК в начале 1929 г., в Харбине имелось 14 первичных ячеек, и ещё 15 по линии дороги [15, 32]. Всего же девяти райкомам подчинялись 124 низовых ячейки [30, 10-14].

Важно заметить, что в прямое подчинение СМК не входили партийные ячейки советских дипломатических представительств и некоторых хозяйственных учреждений, пользовавшихся относительным правом экстерриториальности в ТВП и имевшими свои парторганизации, подчинявшиеся бюро заграничных ячеек (БЗЯ) ЦК РКП(б). К ним принадлежали члены партии консульств СССР, Дальбанка, «Торгпредства», «Совторгфлота» и некоторых других хозорганов [23, 51; 24, 98-99, 152]. Хотя они тесно взаимодействовали с СМК, последний не мог вмешиваться во внутренние дела этих партячеек [13, 9]. Ввиду малочисленности комячеек этих организаций, для удобства их сводили под партийное руководство одного из учреждений. Например, к середине 1931 г. в партийную ячейку «Торгпредства» входили также коммунисты «Совторгфлота», «Госторга», «Текстильного синдиката» и коммерческого агентства Уссурийской железной дороги [27, 129]. Количество партийцев ведущих совхозорганов, подчинявшихся БЗЯ, было невелико, в 1925 – 1931 гг. от 40 до 90 чел. [23, 51; 27, 127-130; 15, 39-49].

Напротив, динамика численности североманьчжурской парторганизации в зоне КВЖД имела тенденцию к постепенному увеличению вплоть до вооружённого советско-китайского столкновения в 1929 г. Так, на момент заключения пекинского договора 31 мая 1924 г. членов РКП(б) здесь числилось 340 чел., а весной 1929 г. – 851 чел. (520 действительных членов ВКП(б) и 331 кандидат в члены партии) [24, 52; 15, 31]. По социальному положению в январе 1925 г. из 378 членов ВКП(б) рабочих было 216 чел., служащих и прочих категорий – 162 чел. [24, 152]. На начало 1929 г. из 761 членов партии (из которых 77 женщин) рабочими являлись 53,6 %, служащими – 41,9 %, остальные составили 4,5 % [15, 31]. В ходе конфликта 1929 г. североманьчжурская парторганизация сильно пострадала. В начале 1930 г. её численность составляла всего 271 чел., но в течение постконфликтного восстановительного процесса уже на 1 мая 1931 г. в рядах местной организации ВКП(б) состояло 556 чел. – 491 действительных членов и 65 кандидатов партии [27, 118]. Далькрайком ВКП(б) контролировал состав коммунистов СМК «при условии соблюдения полной конспирации и удлинения сроков проведения переписи против общеустановленных ЦК ВКП(б)» [10, 190; 11, 27].

Далькрайком указывал на необходимость укрепления партийной дисциплины и повышения бдительности, что повлекло первую крупную «чистку». «В целях очистки парторганизации от провокаторов и неустойчивых элементов, СМ бюро [должно – С.Я.] разработать порядок проверки всей организации» – указывалось в постановлении Дальбюро партии за 10 июня 1929 г. [14, 34-34 об., 51]. Ужесточение полицейского режима и ряд провалов в работе партийных органов в ТВП привели к тому, что Далькрайком тем же постановлением от 10 июня принял решение о реорганизации СМК ВКП(б). Северо-Маньчжурский комитет в старом составе распускался, а руководство им возлагалось на вновь созданное бюро СМК из 5 человек, в связи с чем из Хабаровска в Харбин командировались два работника [14, 34]. Ввиду обострения обстановки на КВЖД Далькрайком в июле 1929 г. поставил во главе Северо-Маньчжурской парторганизации «руководящую парттройку в составе т. Юрия – секретарь и тт. Филипповича и Цицеры – членами», а профсоюзный «Дорожный комитет утвердить в составе тт. Филипповича, Короля и Беспалова» [14, 14, 50].

Помимо уже имевшихся руководящих органов СМК и СМКК ВКП(б), параллельно им создавался ещё один партийный надзорный институт на территории ТВП. Это так называемая «четвёрка», куда входило высшее советское руководство КВЖД и консульских учреждений СССР в Маньчжурии. Она должна была рассматривать все партийно-хозяйственные вопросы. В 1930 – середине 1931 гг. «четвёрка» состояла из советского генконсула в Харбине Б.Н. Мельникова, управляющего КВЖД Ю.В. Рудого, товарища председателя правления дороги А.И. Емшанова и т. Кузнецова [27, 126]. В критический период отсутствия отозванного в начале 1931 г. в Хабаровск секретаря СМК ВКП(б) А.А. Френкеля, фактически временное руководство Северо-Маньчжурским комитетом взяла на себя «тройка», полностью состоявшая из членов «четвёрки» – Б.Н. Мельникова, А.И. Емшанова и Ю.В. Рудого [28, 8]. Ещё одним совещательным органом являлось политическое бюро, в которое входило 9 представителей от ведущих советских хозяйственных учреждений, профсоюзов, СМК и СМКК ВКП(б). Политбюро должно было следить за реализацией политической линии ЦК партии среди коммунистов и бороться с «уклонами» [30, 10-14].

Во время конфликта 1929 г. на КВЖД партийная организация оказалась на грани разгрома, а многие её члены были либо депортированы в СССР, либо арестованы и отправлены в концентрационные лагеря или ушли в глубокое подполье. Однако после победы советских войск, в 1930 г. прежнее положение вещей в Северной Маньчжурии было восстановлено и парторганизация начала постепенно восстанавливаться путём привлечения в свои ряды новых членов взамен большинства не вернувшихся из Советского Союза депортированных коммунистов. Это вызвало омоложение партийных кадров СМК и привлечение в члены и кандидаты ВКП(б) людей менее опытных в вопросах подпольной работы, партийной дисциплины и личной стойкости в условиях полицейского режима [19, 5-8, 241-242, 251-254]. Участились

Яхимович С. Ю.

**БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИ СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ
В СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (1924 – 1931 гг.)**

случаи самовольного выезда в СССР рядовых и руководящих членов СМК, что было категорически запрещено делать без разрешения Далькрайкома или ЦК партии [16, 2; 19, 239].

Процессы, происходившие в Советском Союзе и внутри партии большевиков, нашли отражение в эволюции советской колонии в Северной Маньчжурии и, в первую очередь, во внутрипартийных отношениях среди членов СМК. На начальной фазе присутствия СССР на КВЖД наблюдалось относительное единство организации с немногочисленными «уклонами» от директив, спускавшихся для СМК из ЦК и ДКК ВКП(б). В середине 1925 г. под влиянием противоречий с мукденскими властями среди части партийцев возобладало мнение о решительном отпоре китайцам, вплоть до вторжения Красной Армии с целью закрепления на КВЖД и оказания помощи китайской революции [23, 49 об.-50]. Нарастание конфликтных ситуаций на КВЖД ещё больше усилило ура-патриотические настроения среди членов СМК. Дальбюро ВКП(б) на заседании в марте 1927 г. заявляло уже о «красном шовинизме» и чересчур агрессивных выпадах большинства членов североманьчжурской парторганизации и рабочих в сторону мукденской администрации и китайцев вообще, что выражалось в лозунгах, в роде – «Бей китайцев!», «Даёшь дивизию!». Руководство СМК нередко закрывало на это глаза, практически не проводя разъяснительной работы среди членов партии по данному вопросу, что, в свою очередь, давало лишний повод Чжан Цзолиню к репрессиям против совграждан на линии дороги [13, 6-7].

Нелегальное положение, в котором пребывала советская парторганизация в ТВП, выявило одну из особенностей её внутрипартийного самоуправления, состоявшего в незначительности демократических начал и дискуссий, которые в Советском Союзе ещё допускались в середине 1920-х гг. Ещё в марте 1925 г. Е.И. Накоряков писал о том, что вводить внутрипартийную демократию как в ВКП(б) в Северной Маньчжурии нет возможности, т.к. здесь, без всяких послаблений, необходима твёрдая руководящая роль губбюро [24, 153]. Этим во многом объясняется отсутствие принципиальных расколов в парторганизации и незначительности серьёзных «уклонов». После советско-китайского конфликта 1929 г. внутри СМК сложилась наиболее нездоровая обстановка. Секретарь парторганизации А.А. Френкель и его сторонники не нашли общего языка со многими высшими должностными лицами советской администрации КВЖД и «четвёркой» [27, 117-118]. Этот межличностный конфликт, подогретый склоками и сплетнями среди высокопоставленных партийных функционеров, взаимными обвинениями в троцкизме, бухаринском «правом уклоне», корыстолюбии и «обуржуазивании», породил так называемую «войну компроматов». Письма с упреками в адрес оппонентов и доносы посыпались из Северной Маньчжурии в ДККК и ЦКК ВКП(б) как из рога изобилия [27, 4-85].

Подобная обстановка нервозности, попытки игнорирования руководящей роли Далькрайкома ВКП(б), а также «несоветское поведение» части партийцев во время конфликта инспирировали партийные «чистки» в СМК ВКП(б). Массовые партийные проверки СМК проходили в первой половине 1929 и в 1931 гг. Для этих целей ДККК ВКП(б) по прямому распоряжению Центральной контрольной комиссии партии сформировала парттройки для проверки членов ВКП(б), работающих в советских органах Маньчжурии [33, 145; 17]. Итогом проверок 1929 и 1931 гг. было подтверждение членства в ВКП(б) многих рядовых партийцев СМК, за исключением скомпрометировавших себя. В свою очередь, несогласие с решением парттроек по проверке членов СМК вызвало случаи так называемого «невозвращения» в Советский Союз тех, кто должен был вернуться на родину. Среди них были как рядовые члены партии, так и обличённые властью старые большевики и даже чекисты [25, 192 об.; 26, 114-115; 27, 126].

После снятия в начале 1931 г. с поста секретаря СМК ВКП(б) А.А. Френкеля на заседании бюро Далькрайкома 9 марта 1931 г. ЦК партии утвердил на эту должность т. Невлера, а также ввёл помимо него в бюро СМК тт. Ганина, Митяева и кандидатов – тт. Кочкарёва и Занояна. В состав бюро вошли также тт. Малиновский, назначенный в январе 1931 г. на должность председателя профсоюза железнодорожников КВЖД, и Николаев, ставший заве-

дующим организационной работой СМК [16, 2, 9, 76]. В середине 1931 г. в Москву были отозваны два члена «четвёрки» – Емшанов и Мельников. Несмотря на это, начались трения уже среди нового руководства СМК – Невлером и Николаевым [27, 120, 132, 143]. Осложнение политической ситуации на Северо-Востоке Китая в начале 1930-х гг., выразившееся в новых провокациях гоминьдановских властей, и усиление в регионе Японии вызвали к жизни директивы ЦК ВКП(б) о более энергичной боевой и разведывательной работе, возложенной на СМК руководством партии и Коминтерном [27, 119].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что большевистская партийная организация в Северной Маньчжурии, находясь на нелегальном положении, развернула активную пропагандистскую деятельность по советизации местной колонии граждан СССР, одновременно выполняя функции разведывательно-боевого характера. Особенности структурного устройства и строгой дисциплины в подпольном режиме позволили избежать организации внутрипартийной борьбы, однако в ходе советско-китайского вооружённого конфликта 1929 г. СМК ВКП(б) был фактически разгромлен. Это обстоятельство и «война компроматов» в начале 1930-х гг. инспирировали партийные «чистки» рядов и омоложение кадров североманьчжурской парторганизации. Оккупацию региона японскими войсками в конце 1931 – начале 1932 гг. она встретила заметно обновлённой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аварин, В. Империализм в Маньчжурии. Т. 2 / В. Аварин. – М.: ОГИЗ, 1934. – 560 с.
2. Андреев, Г. И. Революционное движение на КВЖД в 1917 – 1922 гг. / Г. И. Андреев. – Новосибирск: Наука, 1983. – 142 с.
3. Аурилене, Е. Е. Российская диаспора в Китае. 1920 – 1950-е гг. / Е. Е. Аурилене. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. – 268 с.
4. Балакшин, П. П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1 / П. П. Балакшин. – Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк: Книгоиздательство Сириус, 1958. – 430 с.
5. Большая советская энциклопедия (в 30 т.) / Т. 12. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 624 с.
6. Голубев, Е. П. Миссия «товарища Андрея» / Е. П. Голубев // Ленинская гвардия на Дальнем Востоке. – Хабаровск: Книжное издательство, 1970. – С. 415-433.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р – 6081, оп. 1, д. 146.
8. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. П – 2, оп. 1.
9. ГАХК, ф. П – 2, оп. 1, д. 8.
10. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 9.
11. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 11.
12. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 12.
13. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 51.
14. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 143.
15. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 157.
16. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 269.
17. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 424, св. 62.
18. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 594, св. 107.
19. Там же, ф. П – 2, оп. 1, д. 708.
20. Там же, ф. Р – 830, оп. 1, д. 218.
21. Там же, ф. Р – 849, оп. 1, д. 23.
22. Мелихов, Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925 – 1932) / Г. В. Мелихов. – М.: Русский путь; Вико-М, 2007. – 320 с.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 31, д. 17.
24. РГАСПИ, ф. 17, оп. 67, д. 53.
25. Там же, ф. 613, оп. 2, д. 62.
26. Там же, ф. 613, оп. 3, д. 50.
27. Там же, ф. 613, оп. 3, д. 51.
28. Там же, ф. 613, оп. 3, д. 194.
29. Советско-китайские отношения. 1917 – 1957. Сборник документов. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1959. – 468 с.
30. Шишкин, П. П. Большевизм в Китае. Ч. 1. Обзор деятельности Северо-Маньчжурской коммунистической партии / П. П. Шишкин. – Шанхай: Время, 1930. – 160 с.